

В ГОСТЯХ У ВЕЛИКОГО ШАМАНА

(отрывок из книги С. И. Вайнштейна «Загадочная Тува».
М.: Домашняя газета, 2009 – 416 с.)¹

В прошлом номере мы сообщали о последней книге московского этнографа, посвященной Туве, которая вышла в свет в начале года и которую сам автор, к сожалению, уже не застал. Презентация издания состоялась в Национальном музее им. Алдан Маадыр Республики Тыва. На ней присутствовали: инициатор и спонсор издания – депутат Госдумы Лариса Шойгу, а также зам. председателя РТ Анатолий Дамба-Хуурак, министр культуры и информационной политики РТ Вячеслав Донгак, директор Тувинского института гуманитарных исследований Каадыр-оол Бичелдей.

С любезного разрешения Л.Шойгу сейчас мы публикуем отрывок из книги, в которую автор вложил всю свою любовь к республике в центре Азии.

*Моя страна, высокие горы!
Плохое отстраняйте,
хорошее приближайте, помилуйте!
Подарите зверей, белок, мои владыки!
Шаманская молитва*

Неожиданное известие

Летом 1963 г. я вновь, причем совершенно неожиданно и случайно, напал на след великого тувинского шамана Сояна Шончура. Впервые его имя я услышал еще в 1951 г. во время экспедиции в Тоджу от тамошнего проводника Кочаги, который говорил, что ему известен в Туве лишь один улуг-хам («великий шаман») Шончур-хам (слово хам означает «шаман»), но где он находится, Кочага не знал.

¹ Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/483-vainshteyn.html

Впоследствии я продолжал настойчиво искать встречи с таинственным Шончур-хамом, проехав на лошадях и оленях не одну сотню километров по тайге, но тогда он встречи избегал.

Изучать шаманство я начал еще в конце 1940-х гг., во время своих экспедиций к кетам на р. Подкаменная Тунгуска. В ту пору беседовал с несколькими бывшими шаманами, но, так сказать, действующих шаманов, тем более слывших у местных жителей «великими», ни среди кетов, ни среди тувинцев ни разу не встречал. Большинство шаманов в Туве еще к середине 1930-х гг. отказались от своей деятельности, оставшиеся же прятались в тайге, всячески избегая встреч с незнакомыми им людьми. И я был готов сказать словами известного поэта Семена Гудзенко, побывавшего в Туве в эти годы:

*Так, и не услышал я камланья,
Не увидел пляски у огня.
Зря меня послушные олени
По тайге везли четыре дня.*

Но она все же произошла — эта неожиданная встреча на перекрестке времен с ожившей, но уходящей первобытной Тувой. Было это теплым июльским вечером. Я возглавлял тогда археологические раскопки крепости Пор-Бажын на острове озера Тере-Холь, расположенном на юго-востоке Тувы на границе Монголии. В то время Тере-Хольский район был, пожалуй, столь же труднодоступным и глухим, как и Тоджа. Добраться туда можно было либо по таежным тропам верхом на лошадях, либо на самолете — ни одна автомашина в ту пору в эти края еще не доходила. Места эти были малолюдны. За пределами маленького поселка Кунгуртуг, расположенного в 10 км от озера, лишь изредка встречались одиночные юрты и островерхие чумы рыбаков и охотников.

Озеро окружала девственная тайга и топи, а вдали виднелись высокие снежные хребты Хан-Тайги. На острове возвышались поврежденные временем, но еще величественные стены древней крепости. В один из летних вечеров в июле 1963 г. мы, участники раскопок, собрались у костра, обсуждая ход работ за день. В тот вечер к костру подсел мой новый знакомый — старый рыбак Соян Алдын-оол, привезший нам на лодке рыбу. Он неторопливо беседовал с нами, раскуривая длинную тувинскую трубку. Интересовался раскопками, посмотрел некоторые находки, а затем рассказал очень интересное предание о происхождении озера и крепости (читатель ознакомится с крепостью Пор-Бажын и преданием ниже).

Я спросил рыбака, от кого он его слышал. «От акы Шончур-хама», — последовал ответ. Рыбак показал рукой в сторону северного берега озера и добавил: «Недавно он вышел из тайги, теперь живет здесь: его юрта недалеко». Читатель легко может представить себе, как это неожиданное сообщение меня заинтересовало и взволновало. Оказалось, что Шончур-хам был старшим двоюродным братом Алдын-оола. *Акы* по-тувински означает старшего родственника по отцовской линии. Этим именем называют и дядю по отцу, и старших братьев, в том числе двоюродных.

Узнав о моем желании повидать Шончура, Алдын-оол обещал поговорить с братом и убедить его встретиться с нами. И действительно, через несколько дней он привез приглашение шамана посетить его юрту. Алдын-оол обещал сопровождать нас. Меня привлекало не только желание получить ответы на вопросы, которые позволили бы более полно охарактеризовать не изученное еще в то время тувинское шаманство, но и редчайшая возможность сделать впервые цветные фотографии сибирского шамана с его атрибутами. Появилась даже надежда отснять камлание на цветную киноплёнку, так как в лагере в это вре-

мя находился московский кинооператор Ю. Н. Альдохин, который приехал снимать наши раскопки.

Ночное камлание

Получив приглашение, мы на следующий же день отправились в гости к шаману Шончур. В небольшой рыбацкой лодке Алдын-оола, которая медленно плыла к северному берегу, где нас ждал шаман, находилось пять человек. Помимо меня здесь были брат шамана, кинооператор Юрий Альдохин и сотрудники экспедиции (молодая тувинка-этнограф Светлана Монгуш и тувинец-археолог М. Маннай-оол). Наша лодка, раздвинув густые заросли камыша, уткнулась в сырой береговой песок. Мы вышли на небольшую, покрытую густой травой лесную полянку, к которой подступала дремучая горная тайга.

Почти посреди полянки одиноко возвышалась потемневшая от времени войлочная юрта. Из нее неторопливо вышел высокий худощавый старик, сгорбленный под тяжестью лет. Это был шаман Шончур, одетый в традиционный тувинский халат; вежливо поздоровавшись, он пригласил всех в юрту.

Жилище довольно ярко освещал костер очага. Ее убранство было небогато. Напротив входа на самом почетном месте стоял, прислоненный к решетчатой стенке, массивный круглый бубен; рядом на стене висели маленькие идолы в лохматой одежде: вместилища духов — покровителей шамана. Их глаза-бусинки тревожно поблескивали в полумраке.

Шончур усадил нас рядом с собой, угостил тувинским соленым чаем. Мы разговорились. Я рассказал ему о том, что мы делаем на острове. Шончур искренне удивлялся тому, что под слоем земли оказался большой дворец, построенный больше тысячи лет назад. Постепенно

наша беседа с ним и его гостеприимной женой перешла в рассказ Шончура о себе.

— Как вы стали шаманом? — задаю я наконец вопрос, который представлял особенно большой интерес.

— Как я стал шаманом? — повторяет вопрос Шончур-хам и, продолжая раскуривать старую тувинскую трубку, долго молчит, вглядываясь в пляшущие огоньки очага. Затем неторопливо начинает свой рассказ.

Родился в горах Восточного Саяна. Отец был из древнего тувинского рода соян. Рос, как и все тувинские дети: играл, помогал отцу и даже ходил с ним на охоту. Когда ему исполнилось 14 лет, заболел непонятной болезнью. Начались кошмарные видения. Вскоре после этого убежал из родительского чума, долго скитался один по тайге, почти ничего не ел. Не помнил, сколько дней бродил по тайге, часто терял сознание.

В конце концов его с большим трудом нашли родственники и совершенно обессиленного, в лохмотьях привезли обратно. Не дожидаясь, когда он придет в себя, к нему пригласили «большого» шамана: таков был обычай.

Шаман камлал всю ночь рядом с лежащим в забытьи Шончуром. Когда начало светать, приглашенный шаман сообщил присутствующим причину болезни: в Шончура вселился дух давно умершего шамана — предка из рода соян. Поэтому если родственники хотят, чтобы больной выздоровел, то пусть он станет шаманом. Шончур не хотел этого, боялся и несколько дней наотрез отказывался. Но слова старого шамана были для родственников законом. Они убедили подростка стать шаманом, они же коллективно (пережиток древних родовых традиций) приготовили Шончуру шаманские принадлежности: бубен (*дунгур*), колотушку (*орба*), головной убор, короткий, но тяжелый кафтан (*териг*), особые сапоги.

Потом все жившие поблизости члены рода собрались снова и совершили особый праздничный обряд, во время которого приглашенный шаман в присутствии Шончура и его ближайших родственников камлал для «оживления» бубна, а затем все родственники по очереди били в него колотушкой. Последним ударил в бубен сам Шончур. После совершения обряда его бубен «ожил» и с тех пор служил «конем» для странствий шамана по миру духов. Колотушка же в это время превращалась в плеть, которой шаман погонял «коня». После посвящения Шончура в шаманы его болезнь стала проходить.

Изгонял, камлая, он из людей и животных злых духов (аза) — причину болезней. Со злыми духами ему приходилось бороться неустанно. В этой борьбе ему помогали добрые духи-помощники (*ээрен*). В Верхнем мире, по словам Шончура, правит могучий хан Курбусту, в Среднем кроме духов живут и люди, а в Нижнем мире властвует кровожадный Эрлик, владыка всех злых сил...

Когда Шончур закончил свой рассказ, я попросил его показать шаманские принадлежности. Ритуальный головной убор состоял из кожаной повязки, обшитой красной тканью. Сверху к ней был прикреплен густой ряд орлиных перьев, напоминая головной убор индейского вождя. Снизу пришиты длинные кожаные жгуты, обшитые тканью. На повязке условно, но очень выразительно вышито изображение человеческого лица: глаза, нос, рот, уши. Шаманский кафтан сшит из шкуры оленя мехом внутрь, рукава и воротник обшиты красной тканью. На кафтане оленьим волосом вышиты кости рук человеческого скелета, к плечам пришиты орлиные перья. К кафтану также пришиты железные модели лука и девять стрел, которые должны были защитить от злых духов. Пришиты шкурки белки, колонка, уток — вместилища духов — помощников шамана, а также изображения змей с раскрытыми красными ртами.

Бубен оказался сделанным из деревянного обода, обтянутого с одной стороны кожей марала. На ней оранжевой охрой нарисованы девять звезд, марал и два хвойных дерева. Схематический рисунок на бубне поразительно напоминал древние рисунки на скалах, относящиеся к самому началу нашей эры.

Наступал вечер. Когда кожаный полог у входа в юрту приоткрывался под порывами ветра, нам была видна узкая полоска багряного *заката* над озером, синюющие вдали горные цепи. Шончур подбросил сухих веток в костер — он ярко разгорелся. На решетчатых стенах жилища заплясали отблески пламени.

Шаманы совершают камлания обычно с наступлением темноты. Не очень уверенный в согласии Шончура, я все же попросил его покамлать для нас, обеспечить нам удачу в работе. «Я в последнее время страдаю от болей в спине, и это мешает работе, ведь все время приходится склоняться над землей, где мы трудимся. Не могли бы меня подлечить?» — обратился я к Шончуру. Немного поколебавшись, он согласился, но сказал, что надо ждать, когда солнце сядет и совсем стемнеет.

До этого я слышал о шаманских камланиях полные всяких странностей рассказы стариков в енисейской тайге, на Подкаменной Тунгуске, в примонгольских степях. Читал волновавшие воображение описания путешественников прошлых столетий, но воочию камлание шамана со всеми его древними атрибутами никогда не видел.

Когда наконец стемнело и в дымовое отверстие юрты заглянули ночные звезды, Шончур начал надевать культовую одежду: головной убор, обувь, тяжелый ритуальный кафтан. Кое-что из атрибутики ему помогли надеть жена и брат. Чувствовалось, что костюм и бубен тяжелы для старика, и невольно возникло сомнение, сможет ли Шончур двигаться в этом одеянии.

Шончур устало сделал шаг к костру, подбросил сухих веток, склонился над огнем с бубном в руках. Он его сушил, чтобы бубен лучше звучал.

Несколько человек сидели у очага. От людей падали странные длинные тени. Казалось, машина времени унесла нас в таинственную даль веков, в то далекое время, когда здесь, в Азии, обитали древние племена гуннского мира, совершавшие у святилищ в свете костров обряды с участием шаманов, а изображения духов-помощников в образе животных и птиц высекали потом день за днем на скалах.

Убедившись, что бубен подсох, Шончур ласково обратился к бубну-«коню» и спросил, готов ли конь к дальнему пути. Затем ласково потрепал его, как живое существо, и угостил, смазав кожучаем и молоком. Теперь бубен-«конь» накормлен — можно начинать. Прижав бубен к себе, шаман грузно сел на пол, закрыл глаза и, повернувшись спиной к огню, начал тихим голосом медленно петь, созывая духов-помощников.

Мы включили магнитофон и начали записывать слова камлания и удары в бубен, редкие, тихие вначале, но постепенно звучащие все громче и громче. Оператор Ю.Н. Альдохин, примостившись у стенки юрты, уже вел киносъемку.

Постепенно повышая голос, шаман перечислял своих духов-помощников — зверей и птиц: ворона, сокола, уток, рыб, змей, могучего горного козла и др. Хвалил, воспевая их достоинства, рассказывая, что они в это время делают. Вот он запел о птицах: «Девять птиц разных мастей летают вокруг озера Тоджа. Летают, высматривают...». Неожиданно быстро и легко поднявшись, он сделал несколько шагов по юрте, изображая полет птицы. Он перевоплотился в птицу и, медленно взмахивая руками, как крыльями, наклонялся, казалось, при этом что-то высматривая. Тут же он несколько раз громко каркнул по-вороньи. Из его слов можно было понять, что он продолжает полет в Верхний мир.

Удары в бубен то затихали, то звучали громко и ритмично, напоминая бег коня. Временами они "были похожи на резкие беспорядочные выстрелы, но затем вновь становились еле слышными. Голос шамана, который вел беседу со злыми духами, встреченными им на своем пути, мы слышали все это время. Вначале он говорил с ними уважительно, но если они почему-либо не слушались, то голос шамана начинал звучать угрожающе и вызывающе. К одному из злых духов он обратился так:

— Ну, подходи!

Я с тобой схвачусь.

Учти — у меня железная стрела!

Что ты со мной сделаешь, подумай!

Подумай о своих легких, сердце,

О своей жизни!

Если будешь мужчиной, то победишь,

Если проиграешь, то умрешь!

Если не боишься, подходи!

Я имею силу, мощь.

А ты их имеешь?!

Давай встретимся — ведь мы мужчины, —

Узнаем, кто сильнее!

Ты увидишь, что я не буду под твоими ногами!

Злые духи, как мы видим, в представлении шамана смертны, имеют легкие и сердце. Их можно сразить, побороть, испугать, заставить выполнить волю шамана.

Вдруг шаман замолчал и резко вскочил. Почти в танце он сделал несколько движений, очень удивив меня их легкостью и свободой (я хорошо помнил, с каким трудом он передвигался, надев свой костюм).

Приняв угрожающую позу, он начал бить в бубен короткими, сильными ударами. Глаза его были по-прежнему закрыты (это мы установили, впервые просматривая кинокадры — раньше этнографы у шаманов этого не фиксировали). По его выкрикам, движениям, мимике было совершенно очевидно, что Шончур находился в состоянии глубокого экстаза. Слова он произносил уже не нараспев, как это было вначале, а выкрикивал их хрипло, отрывисто. Теперь он исступленно изображал жестокую борьбу со злыми силами, со злым духом — его давним коварным врагом. Красноватое в слабом свете гаснувшего костра, морщинистое, худое, покрытое капельками пота лицо шамана с глубоко впавшими, закрытыми глазами, вновь приняло устрашающее выражение. Прикрываясь бубном как щитом, он легко бегал и прыгал по юрте, гоняясь за злым духом, не открывая глаз, однако, как это ни странно, никого из присутствующих при этом не задел.

Из глухих выкриков шамана можно было понять, что дух уклонялся от борьбы: то он прыгал в воду и превращался в рыбу, то, став птицей, укрывался в облаках. Шаман громко призывал своих духов-помощников преследовать врага вместе с ним. Сам он, в одиночку, судя по словам Шончура, которые удавалось разобрать, когда удары в бубен затихали, не мог осилить злого духа. Но вот пришла подмога от духов-помощников. Раздался резкий удар в бубен — это шаман выстрелил в злого духа своей острой железной стрелой. Выстрел оказался не очень метким: дух был лишь ранен и обратился в бегство. Шаман кинулся за ним. Однако дух всячески уворачивался. Шаман делал быстрые, ловкие и неожиданно резкие движения. Он прыгал и наконец достиг врага. Началась борьба. Враги упали и катались по полу юрты. Шаман крепко прижимал злого духа бубном. Тот, судя по рывкам бубна, безуспешно пытался вырваться. Наконец дух, видимо, обессилен; шаман убедился в этом, приподняв бубен и заглянув под него. Шончур с презрением пнул духа ногой и затем начал топтать его; спус-

тя некоторое время шаман поднес злого духа ко рту, облизнул его и охотно съел, произнося:

— Я съел тебя, съел твои легкие и печень! Мою красную кровь лизать тебе не дам!

Итак, победа в драматической борьбе была одержана, злой дух повержен.

...Шаман сообщил о своем возвращении из странствий. Сделав несколько шагов по юрте, Шончур в глубоком изнеможении тяжело опустился на пол и лишь через несколько минут открыл глаза. Мы опять увидели перед собой старого, сгорбленного и очень усталого человека.

И хотя уже было далеко за полночь, мы не торопились уходить. Не верилось, что еще совсем недавно мы ехали в машине по залитым солнцем улицам столицы Тувы с ее институтами, школами, книжными магазинами и заводами, смотрели в современном кинотеатре фильм об освоении космоса. Но и новая Тува, и древний шаман были реальностью, и именно эта реальность заставляла нас особенно остро почувствовать, как далеко шагнула молодая республика за короткий срок, прошедший с 1944 г., когда она вошла в состав России. Ведь всего за 13 лет до этого в Туве была проведена перепись населения, установившая, что свыше 90 % тувинцев неграмотны, что в республике 725 шаманов, т.е. больше чем по одному шаману на каждые 100 тувинцев, включая детей.

Прощание навсегда

На следующий день я опять на лодке Алдын-оола приплыл к Шончур. И на этот раз долго с ним беседовал, задавая различные вопросы о шаманстве. Он не только охотно и полно, насколько мог, отвечал на мои вопросы, но и сам много спрашивал о разных вещах — о самолетах, которые видел над Тере-Холем, о фотоаппарате, которым я снимал, о

многом другом. Я попросил старика еще раз надеть свое шаманское облачение и на лужайке перед юртой сфотографировался с ним, его женой и Алдын-оолом на память.

Прощаясь со мной, он неожиданно признался:

— Мне уже трудно быть великим шаманом, каким был раньше. Стар стал, болею. Жизнь изменилась. Не могу, как прежде, бороться со злыми духами. Переселюсь к сыну в поселок Кунгуртуг. Навсегда распрощаюсь с духами.

Через неделю я вновь приехал навестить Шончура, привез подарки. И тут произошло неожиданное. Вспоминая его слова, я очень нерешительно спросил старика, не согласится ли он продать свои шаманские принадлежности музею. Сверх всех моих ожиданий... он дал согласие. Не торгуясь, он тут же часть принадлежностей продал, а часть подарил мне (я передал их в Тувинский музей, где они хранятся и поныне). Мы тепло попрощались с Шончуром, и он пригласил меня вновь приехать к нему в гости.

Я очень надеялся побывать здесь еще раз. Но я не думал тогда, что это было прощание навсегда. Через несколько лет я вновь приехал в поселок Кунгуртуг, но узнал, что Шончур недавно умер. Узнал я и то, что волею судьбы камлание, в котором мы участвовали, оказалось последним в жизни великого шамана.